

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Артамонов И. С.

18+

Игорь Артамонов

Моя Ми

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Артамонов И. С.

Моя Ми / И. С. Артамонов — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Пять рассказов не для всех, но обо всех. Скромное рождение новой литературной вселенной, которая только начала свою жизнь. Содержит нецензурную брань.

© Артамонов И. С., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Я посвящаю этот сборник своей доченьке.
Мы все тебя очень любим и помним.
Ты навсегда останешься в наших сердцах:

МОЯ МИ

Краткий список фраз на похоронах:

- Бог дал, Бог взял.
- С кем не бывает
- У меня нет слов.
- Царствие небесное
- Время лечит
- Еще родите
- Земля пухом
- Покойся с миром
- Как я вас понимаю
- У меня так дед умер
- Все там будем
- Это жизнь
- Вам нужно это пережить
- Значит, так было нужно
- Пути Господни неисповедимы

Моя Ми

- Прочти три раза!
- Нет.
- Тогда я убью... – человек с пистолетом на секунду задумался. Он посмотрел на сидящих рядом со связанным мужчиной, женщину и маленькую девочку лет трех от силы. Обе они были связаны. Только кляп во рту отличал их от главы семейства.– Пожалуй, начну с твоей жены,– решительно сказал человек с пистолетом.
- Брат, остановись. Мы найдем другой способ,– молил связанный человек.

Прозвучал выстрел. Пуля попала женщине прямо в глаз. Она упала лицом вниз и лужа крови из ее глазницы стала медленно растекаться по кавролину.

– Нет. О господи. Зачем? Софа. Моя Софочка,– застонал связанный мужчина. Его маленькая дочь билась в истерике, она припала к голове матери и вся измазалась в ее крови. Это было безумием.

– Нет другого способа. Читай, Саша,– спокойно сказал человек с пистолетом.– Читай, иначе следующей будет твоя дочь,– с этими словами он сунул листик с каракулями в лицо своей жертве.

Связанный мужчина затих. Глаза его стали стеклянными. Он перевел дыхание и начал читать.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес он слипающимися губами.

– Читай еще раз!

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу.

– Еще,– устало сказал человек с пистолетом.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес связанный мужчина в третий раз. Зрачки его побелели. Тело его стало чернеть, рассыпаться и вскоре превратилось в пепел.

Мужчина с пистолетом встал и направился к выходу. На пороге он обернулся. Маленькая девочка без сознания лежала в луже крови своей матери.

– Я пришло кого-нибудь за тобой,– сказал мужчина и вышел на улицу. Где-то неподалеку взорвалась машина. Гул от взрыва немного оглушил его. Но не удивил. На улице стояла глубокая ночь, освещаемая заревом пожаров. Мир полыхал в огне не первый день. Мужчина плотнее укутался в ворот пальто и двинулся в путь. Он шел вдоль брошенных машин и разбитых окон домов к единственному человеку, которого любил.

Дверь открылась, и в кабинет заглянул молодой парень в форме.

– Привет, Коля,– сказал он.– Там женщина пришла. По твоему участку. Говорит: сына убили. Чувствую какую-то несет. Она к тебе рвется. Пустить или ты...?

– Сам спущусь,– резко перебил его Николай.

– Ага,– кивнул парень и исчез за дверью.

Николай педантично сложил бумаги. Выровнял по углу стола листок с почти законченным протоколом задержания очередного дебошира и резко встал. Он одернул полицейскую форму участкового и решительно вышел из кабинета.

Женщина, бесновавшаяся в дежурке, оказалась старой знакомой Николая. Риту Васильевну на районе знали все. Соседи каждую неделю писали на нее жалобы и заявления. Пьянь и дебоширка, она и ее сын Вовчик были частыми гостями участкового отдела полиции. Но ни разу по своей воле. И тем удивительнее и тревожнее казался этот добровольный визит пьяницы в «мусарню», как выражалась сама Ритка.

– Он просто растворился в воздухе. Превратился в пепел,– вопила она. От нее изрядно несло перегаром.– Этот мудака дал моему сыночку какой-то листок и попросил прочитать. И он... Ааах. А, бля, как больно,– застонала Рита Васильевна и схватилась за сердце.

– Миша, вызывай скорую,– приказал дежурному Николай и усадил побледневшую старую женщину на стул, стоявший в тамбуре дежурки. Губы Риты Васильевны побелели. Она начала бредить.

– Он превратился в пепел. Мой сын теперь горстка пепла,– в холодном поту шепотом твердила она.

– Белочка,– пожав плечами, сказал дежурный, когда скорая увезла пьяную, сумасшедшую бабу.

– Да. Похоже на то,– согласился Николай.– И все же схожу к ним домой. Проведаю Вовчика,– буркнул он себе под нос.

– Так он же в пепел превратился,– сказал дежурный и усмехнулся.

– Ну да. Ну да,– задумчиво ответил Николай.

Дверь, ведущая в квартиру Риты Васильевны, была заперта. На звонки и стуки никто не отвечал. Это было странно. Вовчик никогда не покидал свое жилище. В Чечне ему оторвало ногу. А потому передвигался он исключительно при помощи костыля и только в пределах своей квартиры. Выпивку и еду ему всегда приносила мать.

– Наверно нажрался, как тварь и спит, ни хрена не слышит,– подумал Николай.– Из квартиры воняло мочой, сигаретами и чем-то сладковато гнилостным.– М-да, скорее всего, нажрался,– задумчиво сказал Николай вслух и позвонил в соседнюю дверь.

– Здравствуйте, Николай Всеволодович,– сказала открывшая ему дверь пожилая старушка. Несмотря на свой преклонный возраст, она была очень ухоженной. И вряд ли ей кто-нибудь дал больше 60 лет, хотя ей было глубоко за семьдесят. Поговаривали, что к ней до сих пор хаживало парочка ухажёров по моложе ее лет на 20-ть.

– Добрый день, Антонина. Скажите, пожалуйста, когда вы в последний раз видели ваших соседей?– спросил Николай.

– Что опять натворили эти ироды?– со злостью и омерзением спросила она.

– В этот раз ничего,– ответил Николай и вопросительно посмотрел на соседку.

– Да, житья от них нет,– пожаловалась Антонина.– С утра вот опять дебоширили. Ритка что-то вопила не своим голосом. А потом выскочила из квартиры и понеслась вниз по лестнице. Да так бежала, что весь дом трясся. Корова старая,– сказала соседка.

– Может у них был кто-то в гостях, за последнее время?– поинтересовался Николай.

– Да у них постоянно всякая шушера, да пьянь собирается. А вот сегодня был тоже один. Приличный с виду такой. Интеллигентный. Я даже удивилась, что он к ним пришел. Побыл с полчаса и ушел.

– Любопытно,– с интересом сказал Николай.– А он на машине был?

– Вот этого не знаю,– развела руками Антонина. – Ритка вслед за ним выскочила. Я к глазку побежала посмотреть, что случилось. Так орала она. А когда в окно, на улицу выглянула его и след простыл.

– Антонина, а можно я через вас к ним? Как в прошлый раз?– спросил Николай.

– И не лень вам с балкона на балкон прыгать,– неодобрительно пробурчала соседка, пропуская Николая в свою квартиру.– Жизнью рискуете и ради кого? Поделом этой Ритке. Колдовка она и сын потому без ноги у нее. Сдохла бы она вместе с выродком своим, всем бы только легче стало.

– Работа у меня такая,– сказал Николай. Он уже открыл окно лоджии и перелазил на балкон Риты Васильевны.

– Работа,– буркнула Антонина.– Все бы так работали. Давно как в Европе жили бы.– Но Николай этого уже не слышал, он перебрался в квартиру Риты Васильевны.

Рядом с креслом, в котором обычно сидел Вовчик валялся костыль. Без него он далеко уйти не мог. Николай подошел поближе и ощупал обивку кресла. Ее покрывал странный серовато белый пепел. Он растер его пальцами, поднес к носу и тут же с омерзением вытер руку о ковер на полу. Отвратный сладковато гнилостный запах, который Николай почувствовал еще на подходе к двери в квартиру алкашей, исходил отсюда.

Вытирая руку, Николай заметил клочок бумаги, валяющийся на полу. Он поднял его. На листке была написана непонятная тарабарщина. Участковый бережно свернул листок и положил в карман. Он тщательно осмотрел квартиру и не найдя Вовчика вышел на лестничный пролет, где его уже ждала изнывающая от любопытства соседка. Николай еще раз расспросил

ее о загадочном госте, но ничего нового для себя не узнал и, распрощавшись с Антониной, спустился вниз.

Он вышел из подъезда, достал телефон и стал ковыряться в контактах. С Вовчиком действительно случилось что-то не ладное. Нужно было вызывать следаков. Николай понимал, что никто в этом деле копать не станет. Всем плевать на такую «грязь», как Вовчик и Ритка. А потому его звонок в следственный отдел являлся простой формальностью. Но что он мог еще сделать? И тут ему на глаза попала камера наблюдения, висящая на стене магазина расположенного в цокольном этаже дома напротив. Ее объектив смотрел прямо на вход в подъезд. Николай положил сотовый обратно в карман и направился к магазину.

После долгих уверений, что жесткий диск вернется в магазин до вечера, охранник магазина сдался и отдал записи видеонаблюдения. Николай, довольный своей маленькой победой, спешно направился обратно в участок.

Как он и предполагал, камера засняла таинственного гостя и его машину. Дальнейшее было делом техники. Через пару часов у Николая на руках был адрес подозреваемого. Он жил неподалеку, в том же микрорайоне, что и Вовчик. Уже стемнело, когда он набрал на домофоне 127. Никто ему не ответил. Тогда Николай набрал 128. Прозвучало тихое пиликанье.

– Да. Кто это?– услышал он женский голос в домофоне.

– Извините за беспокойство,– сказал Николай.– Я участковый, Николай Всеволодович Бондаренко. Ваши соседи из 127 квартиры не отвечают. Вы не знаете дома они или нет?

– Заходите. Я сама уже хотела вас вызывать,– обеспокоено ответил голос, и дверь в подъезд открылась.

Николай поднялся на третий этаж, где его встретила полоумная дама лет сорока, с химической завивкой на голове в бабушачьем домашнем халате. Среднестатистическая домохозяйка запустившая свой внешний вид до нельзя.

– Здравствуйте,– возбужденно поприветствовала она Николая.– Вы к Никите Андреевичу?

– Да,– ответил Николай.

– Он уехал пару часов назад,– сказала женщина.

– А куда не говорил?– спросил Николай.

– Куда – нет. Но вот с кем,– женщина побледнела и перекрестилась.– Я потому и хотела вас вызывать. Тут бесовщина какая-то происходит,– и она стала тараторить молитву и креститься.

– Давайте по существу,– перебил ее Николай.

– По существу говорите,– немного с обидой сказала женщина.– Ну так вот. Если по существу, у него дочка умерла с месяц назад. Погибла в автокатастрофе. Похороны были. Страшная авария. В закрытом гробу хоронили. Представляете?– чуть наклонившись к Николаю, шепотом сказала она. И тот многозначительно кивнул, подыгрывая ей.– Так вот. После смерти дочки Никита Андреевич в себя ушел. Рыдал день и ночь. Стены у нас тонкие. Я все это слышала. Так горько плакал. У меня аж сердце сжималось.

– Какое это имеет отношение?..

– Дослушайте,– сказала женщина.– Так вот. Никита Андреевич – уважаемый человек. Доктор наук. В институте научном работает. В общем, с неделю назад затих он. Смирился что ли. На работу снова ходить начал. Я уже перекрестилась. К иконке божьей матери в церковь сходила. Свечку поставила, чтобы дала она ему душевный покой. Не могла я уже его вой и плачь терпеть. А сегодня слышу, в квартире у него, толи стон, толи смех. Ходит кто-то. Никита Андреевич ушел с утра. А в квартире и быть больше никого не могло. Он вдовец. Только дочь и была. Да померла же. Я уже полицию вызывать хотела, а тут он забегает. Смеется, обнимает кого-то. Я удивилась, кто там с ним. Спустия время слышу, дверь его квартиры открывается. Ну, я в глазок смотреть. А там он и... дочь его. Понимаете,– женщина странно хихикнула.–

Вы только не подумайте, что я сумасшедшая. Я точно знаю, что видела. Это точно дочка его была и никто другой,— женщина не на шутку забеспокоилась.

– Все хорошо, не нервничайте так,— успокоил ее Николай.— А куда они поехать могли?

– У него дача в Подмоскowie. Наверно туда. Я вам адрес дам. А больше не знаю куда. Только знайте, я не сумасшедшая. Это точно дочка его. Я ее с рождения знаю и ни с кем не перепутаю. Вы мне верите?

– Верю,— убедительно сказал Николай.

– А может они аферу, какую провернули?— не угованивалась женщина.— Гроб то закрытый был. Мало ли кого похоронили вместо нее. Может из-за страховки. Хотя я не слыша чтоб его дочь застрахована была. Да и плакать тогда зачем? И так горько. Не сыграть так.

– Будем выяснять,— сказал Николай.— Давайте адрес.

До дачи Николай добрался глубоко за полночь. В небольшом дачном домике горел тусклый свет. Из дома то и дело доносился веселый смех. А неподалеку во дворе стояла та самая машина, которую засняла камера у подъезда Риты Васильевны.

– Нашел,— довольно хмыкнул Николай.— Теперь нужно поосторожнее. Тактика и стратегия. Сначала разведка. Потом действия.— Он крадучись подошел к дому и осторожно заглянул в окно.

Никита Андреевич и миловидная девушка сидели на тахте в углу комнаты и что-то весело осуждали. Девушка то и дело размашисто жестикулировала, а он смотрел на нее. Любовался ею. Взгляд этот был знаком Николаю. Так может смотреть только отец на свою дочь. С гордостью и безграничной любовью.

Ничего опасного и удивительного Николай через окно не увидел. Никаких темных сил. Никаких людей превращающихся в пепел. Просто отец и дочь уехали на дачу. А нелепая история рассказанная соседкой Никиты Андреевича, теперь и подавно казалось обычным бредом сумасшедшей женщины. Николай уже собирался идти ко входу в дом и просто опросить хозяйина дачи. Выяснить, зачем он приходил к Рите Васильевне и что же все-таки произошло с Вовчиком.

Неожиданно зазвонил телефон. Звонок этот напугал, оглушил Николая. Он стал в панике шарить по карманам в поисках смартфона и на секунду забыл об осторожности. Глухой выстрел нарушил тишину глубокой ночи. Осколки разбитого стекла посыпались Николаю на голову. Он пригнулся и наугад выстрелил в сторону нападавшего. Осторожно, пригибаясь, он заглянул краем глаза в комнату. Никита Андреевич стоял без движения. В руке его повис разряженный, переделанный из ружья обрез. У его ног в предсмертной агонии корчилась девушка. Шальная пуля попала ей в шею, и она захлебывалась в собственной крови. Николай встал в полный рост и направил пистолет на Никиту Андреевича. Тот даже не шелохнулся. Девушка замерла, она издала мерзкий хлюпающий звук, похожий на вздох и рассыпалась в пыль и пепел. Увиденное обескуражило Николая, но он тут же взял себя в руки.

– Брось обрез!— рявкнул разъяренный Николай. Старик посмотрел на Николая пустыми глазами.

– Брось иначе буду стрелять!— Никита Андреевич повиновался и медленно положил ружье на пол.

Он посмотрел в глаза Николаю и сказал:

– Вы не понимаете, что натворили.

– Заткнись, урод! Руки! Чтоб я видел. Через окно и без глупостей,— скомандовал Николай и разбил дулом пистолета остатки стекол мешавших Никите Андреевичу вылезти через окно.

Через пару минут Николай, выкрикивая грязные ругательства, заводил машину. А Никита Андреевич валялся в наручниках на заднем сидении. Пожилой, шуплый, с жиденькой бородкой этот старичок едва ли походил на бандита и афериста. К сожалению, иногда внешность бывает обманчива.

Николай достал злосчастный телефон. Нужно было вызвать наряд на место преступления. На экране телефона высветился пропущенный от жены.

– Она меня когда-нибудь в могилу сведет, – подумал про себя Николай и усмехнулся. Именно звонок его жены вызвал столь стремительную развязку событий. Николай содрогнулся, вспомнив про убитую девушку. Она ведь превратилась в пепел. Произошедшее не укладывалось у него в голове.

– Да и черт с ним. Пусть дальше следки со всей этой херней разбираются, – подумал он. Зазвонил телефон. Николай сделал глубокий вдох и поднял трубку.

– Да, кисюня моя, – как можно спокойнее сказал он.

– Наша дочь. Она... Она... – жена Николая захлебывалась от плача.

– Что случилось? – испуганно спросил Николай.

– Она ворочалась в кровати... Мы тебя ждали... ей не спалось... А потом она... она исчезла... Я вся в пепле... Я вся в нашей Ми.

Николай побледнел и обернулся к Никите Андреевичу. Их глаза вновь встретились.

– Я же сказал: «Вы не знаете, что натворили», – сказал старик.

– Заткнись, мразь, – Николая охватил неуправляемый гнев. Он схватил пистолет и хотел выстрелить старику прямо в лицо. Но лишь ударил его рукояткой по голове. Никита Андреевич обмяк и безвольно завалился на задние сидения машины. Тонкая струйка крови потекла из расщеченной брови на обивку кресел. Николай дал по газам и пулей помчался к своему дому.

На пороге его встретила заплаканная, обезумевшая от горя жена. Он отстранил ее и неуверенно побрел в детскую. Туда где спала его любимая доченька. Но ее там не было. Белый пепел устилал кровать, на которой спала его Ми. Знакомый сладковато-гнилостный запах ударил Николаю в нос. Его охватила апатия. Словно сомнамбула вышел он из детской.

Все это время жена неотступно следовала за ним. Как маленький ребенок, она дергала его за руку, заглядывала в глаза и спрашивала:

– Где наша Ми? Скажи мне. Ты ведь знаешь. Где она? Где она? Где наша Ми, дорогой? Где она? Где же? Не прячь ее. Хватит. Где она? – и так без конца. От жены исходил тошнотворный сладковато-гнилостный запах. Он смешался с запахом ее духов и вызывал у Николая рвотные позывы. Он сел на пуфик в прихожей и схватился за голову.

– Где она? Ты ведь знаешь, где, – шептала обезумевшая от горя жена. – Где? Не прячь. Верни. Хватит шутить. Где наша Ми? – И Николай знал человека, у которого был ответ на этот вопрос. Он собирался разможить ему голову, если понадобится и вынуть этот ответ прямо из его пульсирующего умирающего мозга.

– Никому не открывай. Я верну ее. Обязательно верну, – сказал Николай жене и вышел.

Никита Андреевич сидел в машине под домом Николая и пытался освободиться от наручников. Дурная затея. Участковый плотно застегнул их, и старик изрезал все запястья в кровь, пытаясь освободиться от оков. Он повернулся спиной к двери и подергал ручку. К его удивлению дверь машины открылась, и он неуклюже плюхнулся на твердый асфальт. Как жук он барахтался на дороге пытаясь встать на ноги и спустя какое-то время ему это удалось. Он уже собирался бежать, когда твердая рука Николая схватила его за шею и пригвоздила к служебной машине.

– Где моя дочь? – шепотом спросил Николай. И в вопросе этом были боль и угроза настолько сильные, что у Никиты Андреевича засосало под ложечкой. – Говори, иначе я раздавлю тебя, как таракана.

– Ее можно вернуть, – прохрипел старик.

– Как? – прошипел Николай

– Обменять ее жизнь, на жизнь другого.

– Что ты несешь, старик. Я убью тебя, если ты сейчас же не вернешь мою Ми.

– У вас есть на примете человек не достойный жизни?– спросил с натугой старик. Николай крепко держал его за горло.– У каждого есть такой. Подумайте,– моляще добавил он.

– Да, есть одна тварь. Педофил,– ослабив хватку, ответил Николай. Он удивился тому, с какой легкостью поверил старику. И еще больше поразился тому, что запросто готов убить любого лишь бы жила его любимая Ми.

– Тогда отвезите меня к нему, и я верну вам вашу дочь. А потом вы поможете мне,– вкрадчиво сказал старик.– Вместе мы исправим эту оплошность.

Горе сломало Николая. Он сдался. Поверил безумным словам старика, потому что хотел в них верить. Даже если Никита Андреевич врал – эта ложь была единственной ниточкой, не дающей Николаю провалиться в пропасть безумия. Виски его пульсировали, сердце с натугой качало кровь.

– Поехали,– сказал Николай, заталкивая старика в машину.

Дом педофила находился в деревне недалеко от города. Николай угрюмо вел машину. Невыносимое, непомерное горе утраты придавило его к водительскому креслу. Он свято верил в то, что старик, сидящий на заднем сидении, способен вернуть его дочь. И потому он больше не задавал ему ни каких вопросов. Да и не надо было. Никиту Андреевича словно прорвало. Ему необходимо было с кем-то поделиться тем, что с ним произошло.

– И вы только послушайте,– с жаром в голосе говорил старик.– Я думал все. Потерял ее. Мою неповторимую Агату. Жена умерла в родах. Я вырастил ее в одиночку. Воспитал. Дал образование. Ухаживал за ней, как за капризным, нежным цветком. Она хотела красивую одежду. Я покупал. Она ела самую дорогую еду и пользовалась только французской косметикой. А когда она захотела водить, я купил ей права и машину. А потом авария. И темнота. Пелена боли и казалось, нет ей конца. Да, я плакал и не стыжусь этого. Ведь я любил только ее, а она меня. У меня кроме нее никого не осталось. И тут этот обелиск. Его привезли из Сирии. Там война сейчас и наши войска вывозят оттуда древние артефакты и памятники старины. Спасают от вандалов. Это все конечно без огласки происходит. А то ведь скандал мирового масштаба. Кому объяснишь, что спасаешь историю. Все скажут, что воруеть, пока в стране бардак и война. Ну да, не важно это. А я – доктор наук, между прочим,– старик сделал паузу, видимо ожидая от Николая какой-то реакции, но так ее и не дождавшись, продолжил.– Мертвые языки Месопотамии. Шумерские диалекты – это моя стихия. И когда привезли артефакт, меня в срочном порядке вызвали на работу. Я решил, что хоть так отвлекусь. Я ведь почти с ума сошел от горя за эти три недели.

– Когда привезли обелиск, я холод почувствовал и еще нечто. Такой сладковато-гнилостный запах. У короба, в котором его привезли, доски прогнили и я подумал, что это от них. В общем, я с головой окунулся в работу, и вы знаете, горе никуда не ушло. И боль утраты стала еще сильнее. Но когда я с головой уходил в работу, боль отступала, и даже становилось немного легче,– старик замолчал. Он поделился с Николаем очень сокровенным и ждал от своего слушателя понимания. Николай молча вел машину.

– Обелиск походил на надгробную плиту,– продолжил Никита Андреевич.– Такой же плоский со скругленным верхом. И смысл текста высеченного на нем звучал как надгробная эпитафия. Но я сразу заметил некую странность в тексте. Клинопись, высеченная на обелиске, немного отличалась от тех, что я видел раньше. Тут полоска была наклонена немного правее, там расстояния между клинышками были чуть больше. Как будто древний автор спрятал внутри обычного текста что-то еще. Тогда я с другой стороны подошел к переводу и обнаружил внутри простого описания обряда погребения тайное послание. Оно гласило: Если ты хочешь вернуть к жизни любимого человека, забери жизнь у другого. Пусть жертва три раза произнесет «Ангиг мула га гелем ши киган мулу» и грязный демон вернет тебе того кого ты любишь, взамен жизни другого. И никто больше не сможет у тебя забрать воскресшего. Ибо каждый живой знает, как ужасно наказание за убийство воскресшего.

– Конечно, тогда я подумал, что все это бред. Но об открытии никому не рассказал. Мой воспаленный мозг цеплялся за любую самую бредовую возможность вернуть мою любимую дочь. И я решил попробовать. В конце концов, что я терял? Я выбрал человека. Пьяницу. Он всем только мешал, как гнойная язва на теле. За бутылку водки он прочел заклинание и... превратился в пепел у меня на глазах. Вы можете себе представить, насколько я был изумлен и напуган в ту секунду. Только тогда я понял, что заклинание действует. А дальше вы знаете, что было. Этот нелепый случай у меня на даче. Я боялся за свою дочь. Что у меня ее снова заберут. Не знал, к чему еще обязывает заклинание. Ведь всем известно, что в воскрешении мертвых нет ничего хорошего. Но я был готов защитить свою дочь любым способом. А потом вы под моим окном. Я испугался. Оружие было у меня под рукой. Я промахнулся. А вы... убили мою дочь. Обелиск не врал. Кара за убийство воскресшего страшна и справедлива. Вы убили мою дочь и обелиск забрал вашу. Но все можно исправить, – в неистовом безумии застонал Никита Андреевич. – В мире столько «падали» не достойной жизни. Вы ведь со мной согласны?

– Рита Васильевна. Она наверно обезумела от горя, – ответил Николай.

– Какая Рита Васильевна? – растерянно спросил старик.

– Не важно. Мы на месте, – сказал Николай.

Педофил жил в ветхой старой избе на краю деревни. Двор окружал покосившийся полу-сгнивший деревянный забор, покрытый мхом и плесенью. Окна с разбитыми стеклами были завешены старыми дырявыми тряпками. Ветер раскачивал ставни окон, и ржавые петли уныло скрипели в такт ветру. Было раннее осеннее утро. Клочки тумана отрывались от земли и неуверенно поднимались вверх.

Николай повернулся к старику.

– Дайте мне листок бумаги. Я напишу вам заклинание, – сказал Никита Андреевич.

– Вот это? – спросил Николай, достав из кармана клочок бумаги, найденный у Вовчика в квартире.

– Откуда? – удивился старик.

– Вы оставили его на месте преступления, – горестно сказал Николай.

– Не повторяйте моих ошибок, – так же горестно сказал старик.

– Уже повторяю, – ответил Николай и решительно вышел из машины.

– Три раза. Надо чтобы он прочел это три раза подряд, – прокричал ему в след Никита Андреевич.

Николай подошел ко входу в избу и постучал. А потом еще и еще. Пока не услышал недовольный голос хозяина.

– Какого хрена так рано заявила, маленькая шалава?

Николай постучал еще раз.

– Да заходи, бля. Дура что ли? Открыто же. Проголодалась опять? Ну, сначала придется отсосать. А потом так и быть я тебя покормлю, моя шалавенка, – прохрипел сонным голосом педофил.

Николай зашел в избу. Здесь нещадно пахло мочой и нестиранным бельем. Гнилые стены избы пропитались запахом сырого табачного дыма.

– Какого черта тебе здесь надо, мент, – педофил поспешно вылез из под горы одеял и агрессивно уставился на Николая опухшими от многодневной попойки глазами.

На дворе стоял ноябрь месяц, и в не протопленной избе было безумно холодно. Даже холоднее чем на улице. Николай подошел к педофилу и сунул в нос листок с заклинанием.

– Прочти, – спокойно сказал он.

– Ты что сдурел? – оскалился педофил. – Я свое отсидел. Ты нахрена сюда приперся?

Николай достал пистолет и приставил ледяное дуло ко лбу педофила.

– Читай, – хладнокровно сказал он. – Прочти три раза и я уйду.

Педофил изменился в лице. Дуло пистолета приставленное к голове отрезвило его. Он посмотрел на листок и глаза его стали стеклянными.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– прочел педофил.

– Еще раз,– приказал Николай и педофил повиновался.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– произнес он.

– Еще раз,– дрожащим голосом, почти неслышно сказал Николай.

– Ангиг мула га гелем ши киган мулу,– прохрипел педофил. Он стал мертвенно бледным.

Тело его огрубело. Оно стало твердым и хрупким как уголь. А потом рассыпалось в пыль. Николай почувствовал до боли знакомый сладковато-гнилостный запах и поспешно выбежал из избы.

Зазвонил телефон. Он поднял трубку.

– Котик?

– Да, любимая.

– Ми дома. Она в шкафу пряталась. Представляешь. Мы просто не могли ее найти. Она хитрюга у нас, видишь какая. Возвращайся домой. Мы соскучились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.